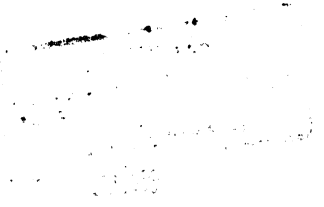
ТРУПЪ.

Разсказъ

П. БОБОРЫКИНА.

I.

Тропинка заворачивала все вправо и манила въ густѣющую тѣнь старыхъ развѣсистыхъ елей.

Ашимова и Крупинскій шли медленно, останавливались на ходу, какъ любятъ дѣлать русскіе. Онъ — коренастый, русый, съ большими бакенбардами, въ поярковой темной шляпѣ, въ клѣтчатомъ лѣтнемъ костюмѣ, ниже средняго роста. На лѣвой щекѣ у него было крупное родимое пятно съ волосами. Она — почти высокая — для женщины — плечистая и пышная брюнетка, въ свѣтломъ батистовомъ платьѣ, безъ шляпы, подъ зонтикомъ. На лбу, широкомъ и загорѣломъ, курчавилась чолка. Коса, густая и блестящая, лежала закругленнымъ концомъ на твердой шеѣ, тоже загорѣлой. Носъ и ротъ неправильные, немного рѣзковатые; но въ общемъ лицо — красивое и скорѣе чувственное. Изъ-подъ длинныхъ рѣсницъ выглядывали возбужденно и смѣло — синевато-сѣрые, чисто русскіе глаза.

Дѣвушка шла крупнымъ шагомъ. Ея спут-

никъ старался идти съ ней въ ногу. Они были одного роста.

— И вы теперь, Лидія Кирилловна, — продолжалъ онъ разговоръ, начавшійся у опушки лѣса, десять минутъ передъ тѣмъ — вы находитесь въ періодѣ инкубаціи?

— Чего?

Она негромко разсмѣялась.

— Инкубаціи-съ.

— Что это такое?

— Изволите притворяться. Вы, дѣвица умственная и страшныя слова вамъ знакомы... Инкубація — значитъ назрѣваніе, высиживаніе — правильнѣе выражаясь.

И онъ засмѣялся. Съ ней онъ любилъ говорить въ шутливомъ тонѣ и въ этомъ-же исключительно тонѣ, еще не такъ давно, ухаживалъ за нею, предлагалъ и руку. Она отдѣлалась также шутками. Между ними установилось, въ послѣднее время, пріятельство, и они часто искали случая говорить, безъ свидѣтелей, на прогулкахъ, о самыхъ интимныхъ своихъ дѣлахъ.

— Высиживаніе, повторила Ашимова, наклонивъ голову въ сторону, точно она искала цвѣтка въ придорожной густой травѣ.

— А развѣ терминъ не точенъ?.. А?.. Разумѣется — инкубація. Этакъ, знаете, красивѣе звучитъ. Помните, и гётевскій Фаустъ, въ первой картинѣ, когда продѣлываетъ ученую

чертовщину, то вскрикиваетъ по латыни: Incubus! Incubus!

— Какая у васъ дьявольская память, Крупинскій... Настоящій прокуроръ!

— Вы это сказали съ такимъ выраженіемъ, точно въ мысляхъ своихъ употребили слово: сыщикъ. Что-жъ! Отъ васъ мнѣ — ничто не въ обиду. Обтерпѣлся, Лидія Кирилловна, когда ходилъ по вашимъ пятамъ, въ званіи претендента, и посягалъ на матримоніумъ.

— Полно, посягали-ли какъ слѣдуетъ? спросила дѣвушка, поднявъ на него длинныя рѣсницы, и лукаво улыбнулась своими большими сѣрыми глазами.

— Вотъ-те крестъ! Посягалъ!.. Знаете, это болѣзнь такая. Нашъ братъ холостякъ подверженъ ей бываетъ въ періодъ отъ тридцати до тридцати пяти лѣтъ, когда у него начинаетъ сосать подъ ложечкой, при видѣ всякой благообразной отроковицы.

— Стало, я была для васъ — *всякая*, Крупинскій?

Она остановилась и взялась нервной рукой съ тонкими пальцами безъ перчатки за низкій сукъ дерева.

— Всякая! Всякая! Не извольте придираться. Какъ это для самолюбія моего ни обидно, но я вамъ и декларацію дѣлалъ... по всѣмъ пунктамъ.

— Не помню, чтобы вы пришли и сказали

просто: хотите, Лидія Кирилловна, быть моей женой, или письмо-бы написали.

— Писать нельзя! Это документъ-съ!

Крупинскій дѣтски разсмѣялся и его каріе и узкіе глаза слезливо заискрились.

— Вы говорили... экивоками... А что, если-бъ я тогда взяла да и сказала: согласна?.. Вотъ поймались-бы, ха, ха!

Смѣхъ ея зазвучалъ возбужденно; но не простодушно. Она была поглощена совсѣмъ другимъ, тѣмъ, о чемъ они начали дружески говорить съ самой опушки лѣса.

— Поймался-бы, это точно... Во первыхъ, я убѣждаюсь, что у меня для супружеской жизни нѣтъ самаго главнаго свойства — онъ подмигнулъ и сказалъ какъ-бы въ сторону: — вамъ съ этой психологіей надо, въ первую голову, ознакомиться, въ настоящій моментъ.

— Какое-же это свойство? перебила она съ оттѣнкомъ задора, часто звучавшимъ въ ея тонѣ, даже когда она и не спорила; а спорить она вообще любила.

— Какое? — медленно переспросилъ Крупинскій — вотъ какое-съ: способность нести тягло...

— Это общее мѣсто, Крупинскій!

— Нѣтъ-съ! Извините! Тягло употребляю я не въ видѣ пустой метафоры, вмѣсто „узъ“, „ярма“ и прочихъ образныхъ выраженій; а въ прямомъ значеніи — въ мужицкомъ: тягло есть

выполненіе совмѣстной жизненной задачи; это — паевое товарищество, во всемъ и во всякую минуту — вотъ что я хочу сказать... И на такой подвигъ, да еще съ обязательствомъ выполнять его всю жизнь, я не гожусь... Подъ вліяніемъ временнаго умопомраченія думалъ, что способенъ на него; а теперь отрезвѣлъ.

— Ну, а во вторыхъ? допрашивала она и въ ней какъ будто заговорило уязвленное чувство красивой дѣвушки, которой человѣкъ, увлекавшійся ею, шутливо говоритъ о своемъ теперешнемъ нежеланіи жениться. Она не вѣрила его полной искренности, хотя и не считала его ни фальшивымъ, ни склоннымъ къ рисовкѣ.

— Вы не забыли, значитъ, что я сказалъ: „во первыхъ?“ Въ женщинѣ, это удивительно! Дальше во „первыхъ“ ни одна изъ васъ никогда нейдетъ въ своей аргументаціи... Во вторыхъ — продолжаю я — послѣ тридцати-пяти лѣтъ, холостякъ если не поймался, то дѣлается фанатикомъ своей свободы, такъ называемой, прибавлю я, свободы, ибо свобода эта, въ сущности, свобода скуки или... или...

Онъ искалъ слова; губы его повела усмѣшка.

— Да говорите-же! нетерпѣливо крикнула Ашимова.

— Слово-то... самое прокурорское: или распутства... Ну, а теперь, у меня, въ мѣстѣ моего служенія, подобралось общество довольно сносное: мужчины, не глупенькіе — произнесъ

онъ тоненькимъ голоскомъ — барыньки, не вредненькія...

— Не вредненькія! Вотъ какъ вы смотрите на женщинъ; а еще морализируете! Не вредненькія! Въ какомъ-же это смыслѣ?

Ея загорѣлыя, немного полныя и твердыя щеки начали быстро розовѣть.

— Въ какомъ смыслѣ?... Да въ разныхъ. Это значитъ: не рожи, веселыя, добренькія, не гнушаются нашимъ братомъ.

— И вы къ нимъ, ко всѣмъ, относитесь, какъ закоренѣлый холостякъ? Онѣ для васъ — дичь; а вы — хищникъ... Разумѣется!

Дѣвушка сдѣлала жестъ головой, смѣлый и немного сердитый. Глаза ея стали темнѣть.

— Я-то хищникъ? Побойтесь Бога, Лидія Кирилловна! Только-бы меня самого не обижали! Ну, разговоры ведемъ, о чувствахъ конечно; а иногда и о принципахъ... Безъ этого нельзя — сами знаете... Въ дружбу играемъ; но чтобы насчетъ расторженія узъ — ни Боже мой!... И безъ того ужъ про людей моей профессіи слагается такая легенда — что какъ молъ они куда-нибудь въ непочатый уголъ русской территоріи явятся — сейчасъ пойдетъ перетасовка, умыканіе чужихъ женъ, разныя комбинаціи законнаго и полузаконнаго характера на почвѣ семейственныхъ правъ и преимуществъ! Нѣтъ-съ, я какъ на исповѣди вамъ скажу — до сихъ поръ этимъ не занимался; а считая студенческіе

годы, состою въ званіи молодого человѣка уже больше пятнадцати лѣтъ... Но и въ нашемъ захолустьѣ, и вездѣ, гдѣ я только ни служилъ, это повѣтріе все сильнѣе и сильнѣе забираетъ. Люди моей профессіи врядъ-ли больше другихъ особъ мужского сословія грѣшатъ въ расторженіи семейныхъ узъ; но вообще это сдѣлалось уже не эпидемическою болѣзнью, а эндемическою, какъ въ Петербургѣ тифъ или дифтеритъ.

Они вышли на лѣсную полянку. Направо навалено было нѣсколько сосновыхъ бревенъ и свѣжее дерево отливало пріятнымъ изжелта-розоватымъ цвѣтомъ своихъ стволовъ, лежавшихъ горкой.

— Присядемъ, — сказала Ашимова и указала рукой на бревна.

Ей не хотѣлось продолжать разговоръ все въ такомъ же тонѣ. Балагурство пріятеля начинало раздражать ее. Онъ, точно нарочно, не желалъ откликнуться, мягко или рѣзко, это ужъ его дѣло, на то, что она, съ такой прямотой, сейчасъ открыла ему, во чтó ушла теперь вся...

II.

Солнце, сильно спустившееся къ закату, глядѣло сквозь сизозеленую листву нѣсколькихъ осинъ и темнѣющую, почти черную хвою елей.

Его лучистая полоса легла на станъ дѣвушки, сѣвшей на бревно.

Ея спутникъ прилегъ на муравѣ, сбоку, и отмахивался вѣткой отъ мошекъ, роившихся вокругъ нихъ, предвѣщая такой-же ведреный день и на завтра.

— Иванъ Захарычъ, — начала Ашимова болѣе низкой нотой, звукомъ пѣвицы съ сильнымъ mezzo-soprano, — оставимъ все это ненужное резонерство!...

— Разсудительство, — поправилъ онъ.

— Что еще? Вы все съ вашими словечками!...

— Это я, недавно, въ мемуарахъ одного поэта прочелъ такое слово. Превосходное слово! Разсудительство, — медленно и вкусно повторилъ Крупинскій.

— Ну, хорошо. Но довольно... Вы другъ мнѣ, или нѣтъ?...

— Другъ, другъ!..

— Бросьте этотъ тонъ! Вы видите, что тутъ дѣло идетъ о жизни двухъ существъ.

— Трехъ.

— Какъ трехъ? — почти наивно переспросила она и откинула на плечо свой полосатый зонтъ.

— А какъ-же? Вы *ее*, стало-быть, не считаете?

— Кого?

— Да жену!..

Двѣ-три секунды она помолчала, и тотчасъ-

же складочка залегла на ея переносицу, гдѣ густыя брови, свѣтлѣе волосъ на головѣ, почти сходились.

— Жену! . . Это само собою разумѣется!

— Нѣтъ, не само собою.

— Да кого-же вы слушаете, Крупинскій? Вашу пріятельницу Ашимову? Ея судьба васъ интересуетъ, или какая-то женщина . . .

— *Какая-то!* Я съ такимъ опредѣленіемъ не согласенъ, Лидія Кирилловна.

— Ахъ ты Господи! — она вся всколыхнулась, — да вы не на засѣданіи суда, вы не заключеніе даете.

— Нѣтъ-съ, заключеніе. Вы хотѣли потолковать со мною по душѣ, значитъ выслушать мое дружеское мнѣніе . . . А то изъ-за чего-же бы вы стали говорить? . . Чтобы заявить, что, молъ, такъ-то и такъ-то я поступаю и желаю дальше поступать. Только для *констатированія* факта, какъ у насъ курьеръ одинъ выражается?

— Крупинскій! Я такъ не хочу! — въ голосѣ дѣвушки задрожали нервные звуки . . . — Это слишкомъ серьезно! . .

— А я не серьезно говорю?

— Вы только придираетесь.

— Почему?

Крупинскій немного приподнялся и прислонилъ спину къ бревну. Лицо свое онъ держалъ въ пол-оборота. Усмѣшка не сходила съ его толстоватыхъ губъ; но взглядъ былъ сов-

сѣмъ не веселый; искреннее настроеніе сквозило въ выраженіи его ущемленныхъ умныхъ глазъ.

— Съ какой стати вы пристегнули ту?

— Жену? Вамъ это слово, Лидія Кирилловна, точно поперегъ горла стало... Нехорошо-съ!

— Безъ прописей пожалуйста!

— Нехорошо, повторю я, другъ мой — нехорошо! Вы будете говорить, что я „приказный съ приписью"; но я возьму примѣръ изъ сферы гражданскаго права. Вы желаете вступить съ господиномъ Иксъ въ формальный договоръ...

— Сейчасъ и договоръ!...

— А то какже? — Крупинскій рѣзко обернулся къ ней всѣмъ туловищемъ. — Да что-же мы, дѣти съ вами или полоумные?.. Извините меня! Какже не договоръ? Положимъ, онъ у насъ не передъ нотаріусомъ и не передъ господиномъ мэромъ заключается; но вѣдь если вы меня пригласите въ шаѣра, мнѣ отецъ дьяконъ подастъ книгу и я тамъ распишусь: „по невѣстѣ — коллежскій совѣтникъ Иванъ Захаровъ сынъ Крупинскій". Такъ или нѣтъ?

— Ну, такъ; а потомъ что?

— Слѣдственно, это — актъ, да еще притомъ таинство, а не что-либо иное. Вѣдь вы не желаете быть только подругой господина Икса? Позволите мнѣ римскій терминъ?.. Его *конкубиной?*.. По русски это звучитъ гораздо хуже.

— Знаю!..

Складочка на переносицѣ дѣвушки обозначилась рѣзче.

— Стало быть, вы желаете заключить договоръ; но для этого вамъ надо расторгнуть другой договоръ господина Икса, уже существующій и для него обязательный.

— Почему-же *я* его расторгаю?

— А то кто-же? Вы причина, вы поводъ. Вѣдь еслибъ онъ вами не увлекся — ничего такого-бы не случилось? Вы значитъ — употребляя терминъ Спинозы — natura naturans, а человѣкъ, вами увлеченный — natura naturata... Такъ или нѣтъ?

— Увлеченіе — если это увлеченіе, а не настоящая любовь — съ обѣихъ сторонъ...

— Положимъ, съ обѣихъ. Но поводъ — все-таки вы. Вы сами говорили мнѣ и писали раньше, что господинъ Иксъ уже производилъ на васъ нападенія, въ видѣ элегическихъ и бравурныхъ арій — когда вы его еще не любили?

— Развѣ я виновата?

— Всѣ мы виноваты въ чемъ-нибудь, Лидія Кирилловна. Вы не виноваты въ томъ, что красивы и даровиты, и можете вызывать страсть; но тутъ не *двое,* повторяю я, завязаны въ дѣло; а *трое.* Чтобы способствовать расторженію, и притомъ насильственному, существующаго договора, вы, какъ честная дѣвушка, должны убѣдиться въ томъ, что та-то сторона — въ старомъ-то договорѣ — дѣйствительно несостоятель-

на, что господинъ Иксъ — жертва, что никакихъ печальныхъ послѣдствій отъ такого расторженія ни для нея, ни для другихъ существъ не предстоитъ. Одна-ли она?.. Вы, до сихъ поръ, мнѣ ничего не говорили... Или есть плоды этого союза?

— Есть — тихо, но почти жестко выговорила дѣвушка.

— Ай-ай! И не одинъ плодъ?

— Цѣлыхъ трое.

— Стало — уже шестеро душъ завязаны въ дѣло?.. И можно такъ, какъ нѣмцы говорятъ: „Mir nichts, dir nichts“ рѣзнуть по живому мѣсту и выбросить изъ колеи нѣсколько человѣческихъ существъ? Славно! Знаете, когда я былъ гимназистомъ, меня ужасно восхищали пѣсенки Беранже, въ переводѣ Курочкина... И одинъ припѣвъ засѣлъ у меня въ головѣ на вѣки вѣковъ:

„Вотъ онѣ, вотъ — неземныя созданія —
Барышни, тра-ла-ла ла!“

Неземныя созданія. Это точно!.. Ничѣмъ земнымъ не смущены, когда имъ чего захочется!

— Съ какой-же стати, Крупинскій, вы вообразили, что дѣвушка, какъ я, пойдетъ на такой шагъ „*mir nichts, dir nichts?*“ Я знаю, что этотъ союзъ — вы такъ громко выражаетесь — не можетъ продолжаться. Развѣ только тотъ договоръ можно расторгнуть, гдѣ кто-нибудь оказался надобросовѣстнымъ, формально нарушилъ

его? Господи! Да коли нѣтъ больше любви?.. Нѣтъ и пониманія, въ ней. Да, нѣтъ! Это двѣ натуры, ничѣмъ не связанныя, кромѣ обузы обязательныхъ отношеній. Онъ — артистъ, съ головы до пятокъ, ему нужна женщина — на высотѣ его таланта и его судьбы; а она — просто насѣдка, ограниченная, тошная, кислая, больная. Она не годилась-бы для мужа и въ сидѣлки, будь онъ старикъ, а не человѣкъ, полный силъ.

Щеки ея уже пылали. Она говорила сильно, сочными нотами и грудь ея слегка вздрагивала отъ избытка волненія.

— И все это вы знаете доподлинно или въ устной передачѣ господина Икса?

— Кто-же вамъ давалъ право считать его лжецомъ? Да и отъ десятка постороннихъ лицъ я слыхала то же самое.

— Значитъ, рѣшеніе назрѣло и все, что я вамъ скажу, будетъ безплодно? Онъ протянулъ руку. — Не сердитесь и дайте ручку. Все это прекрасно, Лидія Кирилловна, только смотрите, не перешагните черезъ трупъ...

— Черезъ трупъ?

— Я это не въ прямомъ, а въ образномъ смыслѣ... Не переступите черезъ нравственный трупъ живого существа, не загубите души, которой вы сами не видали... Да и я тоже, къ сожалѣнію!..

Оба смолкли. Она полузакрыла голову зонти-

комъ и повернула ее къ плечу. Слово „трупъ“ болѣзненно подѣйствовало на нее, но она не вѣрила пріятелю: въ немъ, на ея женскую оцѣнку, заговорило затаенное ревнивое чувство.

III.

Дачная жизнь была уже позади. На дворѣ стоялъ петербургскій сентябрь, но еще свѣтлый и теплый, хотя мѣсяцъ подходилъ къ концу.

Въ легкой кофточкѣ возвращалась Ашимова домой, по набережной Фонтанки.

Она шла ускореннымъ шагомъ и положеніе головы показывало, что она озабочена.

Ей не хотѣлось опоздать, придти послѣ того, кого она ждала къ себѣ, около трехъ.

Больше недѣли они не видались. *Онъ* уѣхалъ въ Москву, прислалъ оттуда двѣ депеши, ничего не говорившія объ успѣхѣ ихъ „дѣла“. Сегодня онъ долженъ былъ вернуться съ курьерскимъ, но просилъ не встрѣчать его на вокзалѣ.

Она любитъ въ немъ эту деликатность и осторожность. Онъ желаетъ, чтобы для всѣхъ она была дѣвушка съ незапятнанной репутаціей. Отъ всякихъ поѣздокъ за городъ, въ увеселительныя мѣста, и лѣтомъ, и прошлой зимой, отъ троекъ и даже ресторановъ онъ воздерживался; а любилъ повеселиться. Этимъ онъ прямо по-

казывалъ, что готовитъ ее себѣ въ жены, а не въ „конкубины“, какъ выражался ея пріятель Крупинскій.

Тотъ на службѣ, въ своей провинціальной трущобѣ пишетъ ей рѣдко, какъ будто дуется на нее: они простились тамъ, на дачѣ, по варшавской дорогѣ, куда онъ пріѣзжалъ только для нея, не особенно нѣжно. Можетъ быть, она сама была виновата. Но говорить съ нимъ по душѣ, значило спорить или выслушивать его резонерство. Правда, онъ объяснялъ свои прокурорскіе допросы и заключенія — дружбой къ ней, боязнью, чтобы она, увлекшись, не пошла на какое нибудь „нехорошее дѣло“.

И выраженіе „дѣло“ не выходитъ у ней изъ головы, какъ только она начнетъ думать о своей судьбѣ.

Вотъ и теперь *дѣло*, должно быть, не очень двинулось въ Москвѣ. Тамъ онъ съѣхался съ ихъ адвокатомъ, возвращавшимся изъ Крыма. Оба они, каждый по своему, должны были подѣйствовать окончательно на жену, на тошную Анну Семеновну.

Каждый разъ, когда она думаетъ объ этой женщинѣ — а думаетъ она о ней всякій день, иногда по нѣскольку разъ — она представляетъ ее себѣ угловатой, костлявой, съ желчевыми пятнами на лбу и на щекахъ, въ кацавейкѣ или сѣромъ вязаномъ платкѣ и стоптанныхъ туфляхъ, съ запахомъ камфарнаго спирта и валерьяны,—

плохо причесанной, полусѣдой, вѣроятно полулысой...

Но она не видала никогда ея портрета, даже простой карточки. *Онъ* не показываетъ, и у него на квартирѣ, куда она стала заходить только съ весны, нигдѣ ея портретовъ нѣтъ. И это ее прельщаетъ. Все та же деликатность сказывается въ его поведеніи. Онъ не хочетъ, чтобы она имѣла поводъ, хоть въ пустякахъ, ревновать къ его прошлому.

Развѣ можно ревновать къ *такому* прошлому? Онъ женился почти мальчикомъ, чуть не на второмъ курсѣ университета, на ровесницѣ. Въ такіе годы, всякая дѣвчонка, будь въ ней хоть что нибудь сносное: глазки, или голосокъ, или наивность, ласка — кажется Лаурой Петрарки или тургеневской Асей. Ровесница тогда — теперь она его на десять лѣтъ старше: такъ всегда бываетъ для женщины, да еще замужней, съ болѣзнями, съ троими дѣтьми... Кажется, и еще были дѣти, только не жили.

И когда она перебираетъ все это, ей ничуть не жаль ни женщины, ни матери, ни жены; а вѣдь она не считаетъ себя ни злой, ни бездушной... Въ семьѣ, въ гимназіи, въ консерваторіи — она цѣлыхъ двѣнадцать лѣтъ училась въ разныхъ заведеніяхъ — ее любили, она слыла и слыветъ отличнымъ „товарищемъ“, давала всегда взаймы, оказывала всякія услуги: сколько народу пользовалось ея добротой! Вспыльчива,

рѣзка — да, и не мало исторій имѣла съ начальствомъ — учителями и профессорами; обидчива чрезвычайно, спорщица, задорна, самолюбива — все что угодно; но не бездушна, не сухая эгоистка. Этого никогда не было и не будетъ!

И все-таки жалѣть эту тошную Анну Семеновну она не можетъ и нисколько себя въ этомъ не упрекаетъ.

Вчера, держа въ рукахъ листокъ депеши, отъ него, изъ Москвы, со словами: „Выѣзжаю, о результатахъ при свиданіи“ — она сразу распалилась на нее... Въ этихъ строкахъ телеграммы чуяла она что-то неладное; иначе онъ обрадовалъ-бы ее хоть однимъ словомъ.

— Точно собака, крикнула она про себя, нервно комкая листокъ депеши, — и сама не ѣстъ, и другимъ ѣсть не даетъ.

И ей не стало стыдно этихъ грубыхъ, совсѣмъ не дѣвическихъ словъ.

Не совѣстно и теперь — по пути домой — думать все о томъ-же, въ такихъ-же почти рѣзкихъ и неизящныхъ выраженіяхъ.

Но она не можетъ иначе. Это выходитъ само собою. Ей кажется ея собственное положеніе такимъ яснымъ и непреложнымъ. И его положеніе также. Полюбилъ ее человѣкъ, вызвалъ и въ ней не пустую вспышку, не увлеченіе скучающей, вздорной и испорченной дѣвчонки, а чувство дѣвушки по двадцать третьему году,

въ которую не одинъ мужчина влюблялся, красивой, съ талантомъ, съ характеромъ, съ большимъ сознаніемъ своего достоинства. Ихъ „союзъ“ — она часто употребляла мысленно это „прокурорское“ слово Крупинскаго — не вздорная или безпутная затѣя... Они созданы другъ для друга: у нихъ одна дорога, одинъ идеалъ: искусство, слава, высокія наслажденія, какія только и можно испытывать, когда увлекаешь тысячную толпу и она трепетно рукоплещетъ тебѣ.

Есть-ли что проще, законнѣе, повелительнѣе этого? И кто-же не позволяетъ? Какая-то отцвѣтшая, постылая и ординарная женщина, не желающая уходить... Ее просятъ: — „уйди, не мѣшай!“ а она упирается, вцѣпилась въ какія-то тамъ права.

Какія у женщины могутъ быть права, когда мужчина разлюбилъ ее?.. Развѣ у насъ контрактъ подписываютъ?

„Дѣти“, подумала Ашимова, когда была уже въ нѣсколькихъ саженяхъ отъ своего дома — „ну, дѣти...“ Но онъ будетъ давать на ихъ воспитаніе... И ей предложатъ, или уже предложили, отступное.

Слово „отступное“ не покоробило ее, точно оно было самое обыкновенное, вродѣ словъ: „неустойка“ или „задатокъ“, когда думаютъ о какомъ-нибудь условіи по найму квартиры или по ангажементу въ труппу.

На своемъ подъѣздѣ Ашимова обернулась и оглядѣла рядъ разноцвѣтныхъ домовъ, по ту сторону рѣки, загибавшихъ мягкой ломаной линіей. Свѣтъ игралъ въ окнахъ. Все смотрѣло весело. Воздухъ былъ бодрящій и подъ стать осеннему ясному дню.

Она прервала свои думы недовольнымъ возвратомъ къ самой себѣ. Зачѣмъ она себя такъ разстраиваетъ прежде времени? Можетъ быть, онъ вернется съ доброй вѣстью. Когда только она отучится отъ забѣганій впередъ, когда будетъ умѣть сдерживать свой слишкомъ пылкій и тревожный нравъ?..

„Темпераменту отбавьте, барышня, отбавьте, голубушка“ — припомнились ей смѣшливыя слова опять все того-же прокурора и пріятеля, изъ ихъ предпослѣдней прогулки въ лѣсу, дня за три до его отъѣзда.

„А какъ его отбавишь“, съ усмѣшкой своихъ яркихъ и пышныхъ губъ спросила она, и, скоро и громко дыша, начала подниматься въ четвертый этажъ.

Она нанимала, уже вторую зиму, двѣ комнаты, отъ хозяйки, служащей въ думѣ, бывшей классной дамы, тихой и чрезвычайно воспитанной вдовы. Мебель на половину была ея собственная — почти все, что стояло въ спальнѣ.

Но и на площадкѣ, когда она надавила пуговку электрическаго звонка и перевела духъ, ее опять схватило за сердце, и такъ непроиз-

вольно, съ такимъ яснымъ физическимъ ощущеніемъ ныть я... Она знала, что сердце у нея здоровое. А въ предчувствія она не хотѣла вѣрить... Никакихъ суевѣрій она за собой не признавала, и ея товарки по ученію, еще съ гимназіи, говорили про нее въ голосъ: „Ашимова ничему не вѣритъ, даже числа тринадцать не боится..!“

„Вздоръ, сердито прикрикнула она на себя — все чего-то боюсь, безпричинно боюсь, и совершенно по женски... по бабьи“ — задорно поправила она себя.

IV.

Ея гостиная — квадратная, высокая комната, давно не казалась ей такой нарядной.

Одну стѣну, вплоть до двери въ спальню, занималъ кабинетный рояль. Къ углу стоялъ рѣзной орѣховый столикъ съ плюшевой обивкой, со множествомъ портретовъ и бронзовыхъ вещей и съ хорошенькой лампой.

Мебель была всякая! и мягкая, поизящнѣе и подороже — ея собственная, и съ деревянной обшивкой — хозяйская. Большой коверъ покрывалъ, до половины, паркетный полъ. Узоръ портьеръ и гардинъ, цвѣты, запахъ царской воды — все это прихорашивало комнату.

Ашимова оглядѣла свою гостиную долгимъ взглядомъ и сначала возбужденные глаза затуманились: такіе переходы дѣлались у ней чрезвычайно быстро.

Ей пришла вдругъ на умъ фраза: „настоящая квартирка содержанки“. И она не могла ее прогнать. Почему именно теперь, вотъ сейчасъ, ея комнаты показались ей похожими на это — она не могла объяснить... И когда она прошла въ спальню, такую-же просторную и очень свѣтлую, то это сравненіе только усилилось.

Она сняла шляпу медленно, въ разсѣянной, озабоченной позѣ, у туалетнаго столика и не глядя на себя въ зеркало.

„Разумѣется — думала она, подчиняясь опять настроенію, въ какомъ шла по Фонтанкѣ — разумѣется, и хозяйка, и горничная Ѳеклуша, и старшій дворникъ, и швейцаръ Нефедъ — считаютъ меня „барышней съ поддержкой“.

Она недавно слышала это выраженіе отъ кого-то изъ своихъ товарищей по консерваторіи. Значитъ, оно уже въ ходу въ Петербургѣ.

„Да, барышня съ поддержкой!“ И какже можетъ быть иначе? Хозяйка знаетъ, что она близка съ нимъ, вотъ уже второй годъ; знаетъ его и какъ артиста; нѣсколько разъ говорила съ нимъ у нея; знаетъ и то, что онъ давно женатъ — какимъ образомъ — неизвѣстно, но знаетъ. Это чувствуется въ томъ, какъ она говоритъ про нихъ обоихъ. Для прислуги онъ

и подавно тотъ самый господинъ, который ее поддерживаетъ.

А вѣдь это неправда. Она живетъ на свои средства... Или лучше — доживаетъ на нихъ. Еще годъ, и у нея ничего не останется, или останется доходъ въ какихъ-нибудь триста рублей. Но до тѣхъ поръ она будетъ на сценѣ, его женой и подругой на артистической дорогѣ.

„Барышня съ поддержкой!“ почти вслухъ выговорила она, рязстегнула кофточку и обросила ее на стулъ.

Это была-бы безобразная, возмутительная клевета! О деньгахъ, о матеріальныхъ вопросахъ у нихъ никогда и рѣчи не заходило. Даже и теперь, когда они уже смотрятъ другъ на друга, какъ на обрученныхъ, у нихъ не было еще ни одного серьезнаго разговора о томъ, какъ они устроятъ совмѣстную жизнь. Никогда онъ не спрашивалъ ее подробно о томъ, на какія средства она живетъ; но она, на первыхъ-же порахъ знакомства говорила ему, что живетъ на небольшой капиталецъ, оставленный ей теткой; не скрывала и того, что она проживаетъ уже этотъ капиталецъ и разочла, чтобы ей хватило, по окончаніи ученія, на два года, съ поѣздкой заграницу, въ Парижъ и Миланъ, до поступленія на оперную сцену.

И съ первыхъ-же дней ихъ теперешней близости она не позволяла ему платить за себя, въ пустякахъ, извощику или за билетъ. Это

ему нравится, потому что онъ самъ деликатный и осторожный.

Подарки принимала — но какіе?.. Корзину цвѣтовъ, вонъ ту лампу, рамки для портретовъ, два коврика, ящикъ къ имянинамъ съ дюжиной перчатокъ... Да и то изъ-за этихъ перчатокъ вышло объясненіе. Это отзывалось порядочной суммой — вмѣстѣ съ ящикомъ: рублей на сто, а можетъ быть и больше.

И еще одинъ, довольно цѣнный подарокъ. Она получила, прямо изъ Парижа — боа́ изъ страусовыхъ перьевъ. Это могло стоить франковъ двѣсти... Она рѣшительно не хотѣла принимать; но онъ такъ мило просилъ, надѣлъ на себя — она разсмѣялась и не могла устоять противъ соблазна — боа́ было самое модное и ни на комъ еще она не видала точно такого.

Туалетъ онъ обожаетъ и цѣнитъ въ ней умѣнье одѣваться... Не одни только платья, а всѣ детали, всѣ мелочи. Смыслитъ онъ во всемъ этомъ больше любой женщины. И съ тѣхъ поръ, какъ они стали близки, она — неузнаваема въ своемъ туалетѣ. Конечно, тратитъ она больше прежняго, особенно на обувь, перчатки, шляпки, но не безобразно много.

Онъ артистъ съ головы до пятокъ. Его оскорбляетъ все некрасивое, старомодное, безвкусное или крикливое, всякая небрежность и неопрятность.

Любимая его поговорка: „женщина — произведеніе искусства".

Конечно, онъ и къ женѣ началъ охладѣвать оттого, что она такая неизящная, костлявая, нечистоплотная...

„Съ запахомъ камфоры и валерьяны" — прибавила Ашимова съ полной увѣренностью, такъ живо представила она себѣ все это, будто струя ненавистныхъ ей запаховъ пролилась по комнатѣ.

И къ чему она себя успокаиваетъ и защищаетъ? Вѣдь она же знаетъ, что ни одного рубля отъ него не получала, что на квартиру, столъ, платье, извощиковъ, театръ — расходуетъ она изъ своихъ собственныхъ денегъ.

— Богъ знаетъ что такое! — громко выговорила Ашимова и быстро подошла къ широкому шкафу, откуда достала новый пеньюаръ, сшитый на дняхъ, изъ свѣтлой фланели съ кружевами.

Она мечтала сдѣлать ему сюрпризъ. Онъ ей все совѣтывалъ — ходить дома въ чемъ-нибудь болѣе покойномъ и легкомъ, и вмѣстѣ изящномъ, гдѣ-бы было побольше красивыхъ складокъ. О ея бюстѣ и линіяхъ тѣла онъ говоритъ всегда, какъ истый художникъ, съ особой блуждающей улыбкой. Да и вредно пѣть и аккомпанировать себѣ, затянутой въ жесткій лифъ, съ узкими рукавами.

Въ пеньюарѣ рукава откидные и руки, на

полной свободѣ, ея наливныя, удивительно бѣлыя руки, которыхъ не коснулся лѣтній загаръ.

Поспѣшно она переодѣлась.

И когда она встала передъ трюмо, поправляя кружево на плечахъ — кружево было дорогое, оставшееся отъ покойной матери — сзади, въ зеркалѣ, отразилась вся спальня съ кроватью, отдѣланной гипюровой кисеею, туалетомъ, кушеткой, умывальнымъ столомъ.

Вся эта комната смотрѣла весело и такъ же нарядно, какъ и гостиная. Въ ней не было ничего яркаго, нескромнаго; но Ашимову опять охватило жуткое чувство — и она не могла его отбросить.

Она зажмурила глаза и повернулась къ зеркалу спиной. Запахъ, стоявшій въ комнатѣ, усилилъ ея жуткое чувство. Въ немъ были и пудра, и eau de Botot, и духи, подаренные имъ. Вся эта смѣсь говорила не о строгой, трудовой жизни одинокой дѣвушки; а о чемъ-то совсѣмъ иномъ: о постоянномъ желаніи нравиться, о заботахъ и привычкахъ красивой женщины, у которой есть тайная связь.

Когда она раскрыла глаза — слова: „квартира содержанки“ точно выскочили у ней, откуда-то, въ головѣ, и она не могла отдѣлаться отъ вѣрности впечатлѣнія, хотя и знала, что она честная дѣвушка, что у ней есть женихъ, или что то же: человѣкъ, расторгающій для нея свой первый бракъ, что она, наконецъ, не принадле-

жить ему вполнѣ, что она не шла съ нимъ дальше близости, допустимой въ обрученныхъ.

Порывисто и съ раскраснѣвшимися щеками вышла она изъ спальни и подбѣжала къ письменному столику, гдѣ взяла бронзовые часики и приблизила ихъ къ глазамъ, по близорукости.

Было уже десять минутъ четвертаго, а его все нѣтъ.

„Пріѣхалъ-ли?.. Не случилось-ли чего?“ — съ неожиданной тревогой спросила она, скорѣе облегченная этимъ безпокойствомъ: оно отгоняло отъ нея назойливыя и жуткія мысли.

V.

Звонокъ раздался отрывисто и рѣзко.

Ашимова вся вспыхнула и остановилась посрединѣ гостиной. Выбѣжать ей стремительно захотѣлось; но онъ этого не любилъ — изъ за прислуги.

Она поправила еще разъ кружево на шеѣ и взялась рукой за густую косу — это былъ ея обычный жестъ въ минуты внезапнаго волненія или раздумья.

Вотъ онъ снимаетъ пальто и о чемъ-то тихо спрашиваетъ горничную. Съ нею онъ иногда шутитъ.

Въ дверь постучали. Онъ всегда это дѣлаетъ

и называетъ русскую замашку прямо входить — „порядочнымъ варварствомъ“.

— Войдите — откликнулась она, точно постороннему на „вы“.

Они были на „ты“, только съ глазу на глазъ; даже при горничной или хозяйкѣ воздерживались они отъ „ты“.

Въ дверяхъ остановился мужчина сорока лѣтъ, рослый, немного полный, съ округленными плечами, блондинъ, очень старательно и молодо одѣтый, по лѣтнему. На черепѣ, маленькомъ по росту — курчавились волосы, порѣдѣлые на лбу, коротко подстриженные. Бородка и довольно длинные усы были изысканно причесаны и подзавиты. Въ глазахъ, голубыхъ и круглыхъ — играла усмѣшка здороваго сангвиника, всегда довольнаго собою, какъ мужчиной и артистомъ.

Всякій бывалый человѣкъ призналъ-бы въ немъ актера или пѣвца.

— Наконецъ-то! — сдавленнымъ звукомъ крикнула Ашимова и подбѣжала къ нему.

Они обнялись. Онъ поцѣловалъ ее въ глаза и въ волосы... Она совсѣмъ замерла отъ этихъ ласкъ и нѣсколько секундъ ничего не могла выговорить.

— Заждалась, милая? — спросилъ онъ вполголоса, придерживая ее за талію посреди комнаты. — Прости! Меня задержали на Невскомъ. Знаешь русскую манеру начинать на тротуарѣ безконечный разговоръ.

Голосъ его вздрагивалъ, въ груди. Тембръ былъ баритонный.

— Ну, сядь, сядь здѣсь — пригласила она его на диванчикъ, стоявшій около этажерки, противъ рояля.

И ей вдругъ стало свѣтло и бодро на душѣ. Въ тонѣ его словъ, въ блескѣ глазъ, во всей посадкѣ не зачуяла она ничего непріятнаго.

Рука ея осталась въ его рукѣ. Она опустила голову на его мягкое, округленное, по женски, плечо и, порывисто вдыхая въ себя воздухъ, выговорила:

— Съ чѣмъ вернулся?

Въ натурѣ ея лежало: идти прямо туда, гдѣ опасно, малодушно не откладывать ничего, что имѣетъ рѣшительное значеніе. Вотъ почему она любила экзамены, конкурсы, всякія состязанія, вотъ почему считала она себя рожденной для сцены, гдѣ все надо брать съ бою.

Задавая такъ поспѣшно этотъ вопросъ, она какъ-бы хотѣла отдѣлаться совсѣмъ отъ мысли, что она „барышня съ поддержкой“. Онъ объявитъ, что все улажено, и черезъ мѣсяцъ или черезъ полгода — вѣдь это все равно — она его жена и будетъ считаться его невѣстой, съ нынѣшняго дня, передъ всѣмъ свѣтомъ.

— Съ чѣмъ вернулся?

Онъ повторилъ эти слова замедленно и тотчасъ-же поцѣловалъ ее, какъ-бы желая напередъ утѣшить.

— Нейдетъ на разводъ?

Ея голосъ раздался глухо. Она подняла голову и смѣло взглянула ему въ глаза.

Въ нихъ она прочла что-то двойственное; но ротъ его съ извилистыми, еще молодыми губами — улыбался.

— Нейдетъ, — выговорилъ онъ и поднялъ плечи.

Рука ея, лежавшая въ его рукѣ, выпала.

Она вскочила и заходила по комнатѣ.

— Но вѣдь это подло, наконецъ! — крикнула она, съ пылающими щеками. Что-же нужно для того, чтобы она смиловалась?.. Вѣдь мы не рабы ея бездушнаго эгоизма и самодурства? Этому имени нѣтъ! Имени нѣтъ!

Съ рояля она схватила свертокъ нотъ и начала бить имъ по ладони лѣвой руки, все еще продолжая большими шагами ходить взадъ и впередъ передъ диваномъ.

Онъ сидѣлъ.

— Милая, не волнуйся!

— Я знаю! Ты такъ благороденъ, что будешь и ее защищать. Но это такъ жестоко, такъ...

Она искала слова, чтобы не разразиться бранью: онъ не любилъ ничего вульгарнаго и это ее удержало.

Также порывисто присѣла она къ нему на диванъ и опять взяла за руку.

— Ну, скажи... Значитъ, и адвокатъ не подѣйствовалъ?.. Онъ былъ тамъ?

— Былъ! Цѣлыхъ двое сутокъ уговаривалъ... Потомъ и я... Уперлась на одномъ: живите, я *вамъ* не мѣшаю; но взять на себя вину не могу: это значитъ признавать себя виновной, а я не виновата. Бракъ — таинство! Я его не нарушала.

— Вѣдь ей же предложено?..

Слово „отступное“ остановилось у ней на губахъ.

— Объ этомъ и слышать не хочетъ... Какъ только адвокатъ заикнулся — съ ней сдѣлался сильнѣйшій припадокъ, насилу оттерли.

— Скажите пожалуйста!

Ашимова сдѣлала презирающій жестъ свободной рукой; въ ея потемнѣвшихъ глазахъ блеснула ненависть къ разлучницѣ, усиленная тѣмъ, что она смѣетъ еще падать замертво отъ оскорбленнаго чувства, какъ будто они, то есть мужъ ея и та, кого онъ полюбилъ, ниже ея по своимъ чувствамъ!..

— Это ея дѣло!

— И ты, Анатолій, вѣришь въ такое безкорыстіе?

— Не въ томъ вопросъ, милая... Надо довести ее до того, что намъ необходимо. Средство одно: взять вину на себя.

— Никогда! — крикнула Ашимова. — Это значитъ — идти на огромный рискъ. Всякій

можетъ донести на насъ, если-бы даже и нашелся священникъ, который согласится обвѣнчать...

— Погоди — все съ тою-же блуждающею улыбкою остановилъ онъ ее — да и на это надо получить ея согласіе. Она вѣдь не говоритъ, что ей самой необходима свобода, потому она и не хочетъ брать вину на себя... Уперлась на томъ, что такъ нельзя, совѣсть ей не позволяетъ... И дѣтей тутъ приплела.

— Дѣтей? — спросила Ашимова такимъ звукомъ, точно она въ первый разъ услыхала о ихъ существованіи.

— Ну да, дѣтей — наморщивъ лобъ, повторилъ онъ. — Видишь, по ея разсужденіямъ, разводъ — нравственная гибель для дѣтей... Лучше такъ разъѣхаться, но не отнимать совсѣмъ у дѣтей отца или мать, или обоихъ вмѣстѣ.

— Это фарисейство! Всякая ханжа такъ разсуждаетъ! А просто — впилась въ человѣка и не хочетъ никому уступать его! Гадость какая!

Плакать она не могла; но въ горлѣ перехватывало и она близка была къ нервному припадку.

Онъ, молча, привлекъ ее и она прильнула къ нему, чувствуя, какъ глаза ея становятся влажными.

— Переждать надо — тихо заговорилъ онъ,

покрывая ея лобъ и глаза короткими поцѣлуями.
— Не волнуйся... не порти себѣ крови!

Его голосъ звучалъ мягко и безпомощно. Жалость зажглась у ней въ сердцѣ, жалость не къ нему одному, а и къ себѣ, къ нимъ обоимъ. Больше года любятъ они другъ друга, сдерживаютъ себя; страсть въ нихъ трепещетъ, а они должны томиться. Во имя чего?...

Сколько разъ онъ самъ почти убѣгалъ отъ ея ласкъ — и она съ полусознаннымъ эгоизмомъ дѣвушки не хотѣла понять, какъ ему трудно бороться съ собою.

Ждать! Чего же ждать?... И неужели отъ того только они будутъ достойны презрѣнія, что ихъ законному счастью мѣшаетъ какая-то дрянная ханжа и лицемѣрка?

Бѣлыя руки ея обвились вокругъ его шеи... Она часто и съ возрастающимъ пыломъ начала цѣловать его.

— Лидія! — шепталъ онъ. Радость моя!... Пощади меня!...

— Нѣтъ, не надо!... Прости!... Я сама была эгоистка... Два раза не живутъ на свѣтѣ!

Злобное чувство примѣшивалось къ взрыву ея страсти. Она точно мстила той женщинѣ, хотѣла показать, что презираетъ въ ней права жены, что ихъ любовь выше ея затхлой и себялюбивой морали.

Голова у нея закружилась.

Ни страхъ за будущее, ни уколъ совѣсти ни на секунду не смутили ея... Она бросалась на встрѣчу всему...

VI.

Весна — тяжкая и запоздалая — поливала городъ мелкимъ дождемъ и держала его въ постоянной мглѣ.

Въ сумеркахъ, наступившихъ слишкомъ рано, Лидія Кирилловна лежала одѣтая, на постели, все въ той-же квартирѣ.

Ей было сильно не по себѣ. Съ утра чувствовала она страшную слабость... Голова, отъ мигрени, минутами совсѣмъ замирала.

Она ждала.

Ея душевное состояніе дѣлалось съ каждымъ днемъ все хуже и хуже... Факты стояли передъ нею; давили... Скоро — не больше, какъ черезъ мѣсяцъ или шесть недѣль — она будетъ матерью.

Это подкралось такъ неожиданно, такъ предательски... „Неожиданно“ — для нея, какъ для всякой дѣвушки, увлеченной страстью. Но въ этомъ она не винитъ *его*, не винитъ и себя. Такъ должно было случиться... Виновница — все та же, ненавистная ей женщина, Анна Семеновна, жена Анатолія Петровича Струева.

Столько мѣсяцевъ прошло — и ничто не сдѣлано. Они не обвѣнчаны. Та — какъ собака — это сравненіе Ашимова употребляетъ каждый день — лежитъ на сѣнѣ, и сама не ѣстъ, и другимъ не даетъ.

Зима прошла, или лучше проползла слишкомъ быстро и не дала ничего... Дебютировать ей не удалось. Не могла она и уѣхать въ Италію, поучиться въ Миланѣ... Не могла, не по неимѣнію средствъ, а потому что не хотѣла оставить его, надѣялась на дебютъ здѣсь. Теперь нельзя показаться на сценѣ... Дебютъ ей предложили весной. Но какже она выйдетъ, въ ея положеніи?

Здоровье покачнулось и такъ быстро. Она почти всю зиму пролежала въ постели или на кушеткѣ. Съ поста стало уже совѣстно показываться къ знакомымъ. Внутри у ней клокотало. Изъ-за самодурства и злости старой, постылой жены, она должна выносить такія страданія. Что-жъ тутъ позорнаго, что она дѣлается матерью, когда она любитъ, любима, честна, до педантизма, во всемъ, въ послѣднемъ пустякѣ; когда ея права на уваженіе и признаніе ея чувства неизмѣримо выше, чѣмъ у той постылой и ехидной женщины?...

Все это давитъ и его. Онъ — артистъ. Ему нужна подруга во всемъ блескѣ и обаяніи молодости, здоровья, красоты, вѣры въ свои силы. А она хирѣетъ, не можетъ скрывать

своего уныніл и раздраженія. Съ ней онъ, по прежнему, деликатенъ; но ему тяжко.

Нѣсколько разъ она не воздержалась, стала упрекать его въ томъ, что онъ не достаточно энергически дѣйствуетъ... Но что-же ему дѣлать?... Не зарѣзать-же свою жену, не отравить-же ее? Насильно онъ не можетъ заставить ее дать разводъ.

Пригрозить, что отберетъ дѣтей? Она доходила до того, что указывала ему и на это средство. Онъ не поддавался; по крайней мѣрѣ, ничего самъ не говорилъ въ такомъ направленіи... Разъ только сообщилъ, что совѣтовался съ адвокатомъ насчетъ дѣтей. Тотъ ему сказалъ:

— Добровольно она не отдастъ. Дѣти ее любятъ... По приговору суда вы врядъ-ли получите ихъ. Скорѣе она могла-бы добиться того, что васъ заставятъ давать на содержаніе дѣтей.

Онъ ничего на воспитаніе ихъ не даетъ — она не требуетъ, не пристаетъ. Но это только тактика, средство отнять малѣйшій поводъ предъявить къ ней какое-нибудь неудовольствіе... Пускай всѣ считаютъ ее мученицей и праведницей!... А на нихъ падетъ весь позоръ.

Но въ чемъ-же „позоръ“?

Этотъ вопросъ задаетъ она себѣ безпрестанно и сознаніе своей правоты гложетъ ее и усиливаетъ хворость, мѣшаетъ работать, отнимаетъ всякую бодрость духа.

Больше недѣли, какъ она не присаживалась къ инструменту и не вокализировала. Да и голосъ сталъ глуше, слабѣе и грубѣе. Минутами она боится и совсѣмъ его потерять.

И тогда, что съ ней будетъ?

Она доживаетъ свой капиталецъ. Еще одинъ сезонъ — и не останется и двухсотъ рублей — процентовъ, а развѣ на это можно жить? Безъ голоса одинъ заработокъ — давать уроки. Но нынче столько преподавательницъ пѣнія... Мрутъ съ голоду. Да это только для себя одной, а вѣдь черезъ шесть недѣль тутъ будетъ еще существо... Его надо кормить, одѣвать, воспитывать, учить. Брать съ отца — постыдно. Это будетъ значить: ты обязанъ содержать и ребенка, и меня, потому только, что я тебѣ отдалась... Не ея личность значила что нибудь, не душа, не талантъ, не нравственныя правила, а только смазливое лицо, да роскошная фигура, какъ первая попавшаяся содержанка, какъ „барышня съ поддержкой“, то, чего она такъ страшилась, что вызывало въ ней такое отвращеніе.

Ашимова повернулась лицомъ къ двери въ гостиную и ей стало опять нестерпимо тяжко отъ головной боли и замираній сердца.

Она ждала его больше двухъ часовъ. Онъ обѣщалъ заѣхать послѣ репетиціи. Всѣ эти дни онъ какъ-то и возбужденъ, и озабоченъ... Точно онъ что скрываетъ отъ нея; но ужъ навѣрно не какую-нибудь радостную вѣсть.

Голова такъ у ней закружилась, что она не услыхала звонка въ передней. Горничная просунула голову въ дверь и шепотомъ окликнула ее:

— Барышня!.. Лидія Кирилловна!

— Что такое?

Она съ трудомъ овладѣла собою.

— Къ вамъ баринъ...

— Зачѣмъ-же вы докладываете?.. Просите!

— Да не Анатолій Петровичъ... Вотъ карточку приказали отдать.

На карточкѣ Ашимова прочла фамилію ихъ адвоката. Она съ нимъ никогда не встрѣчалась. Всѣ переговоры велись Анатоліемъ Петровичемъ. Сначала она цѣнила эту деликатность; а потомъ жалѣла, что ее не допускаютъ.

Быстро встала она съ постели и приказала горничной просить въ гостиную. Ея головокруженіе прошло сразу, и она успѣла поправить прическу передъ трюмо.

У рояля увидала она человѣка немолодого, плотнаго, съ сѣдѣющей бородой, въ золотыхъ очкахъ, немного сутулаго, въ длинномъ сюртукѣ. Онъ смотрѣлъ скорѣе профессоромъ, чѣмъ адвокатомъ.

Его взглядъ — добрый и затуманенный — поверхъ очковъ прошелся по ней, и она сейчасъ же подумала: „онъ знаетъ, въ какомъ я положеніи“.

Но это уже не смутило ее. Адвокатъ —

сообщникъ, если не другъ. Струевъ долженъ былъ много разъ говорить ему, что имъ *нельзя* ждать, что положеніе ея отчаянное, какъ дѣвушки изъ порядочнаго общества и будущей жены его.

— Анатолій Петровичъ — заговорилъ онъ мягкимъ теноркомъ — просилъ меня заѣхать къ вамъ, Лидія Кирилловна, и побесѣдовать.

— А онъ развѣ не будетъ? — живо спросила она, еще не подавая ему руки.

— Вѣроятно, позднѣе.

Они сѣли на тотъ самый диванъ, гдѣ, восемь мѣсяцевъ назадъ, ее охватила роковая жалость къ себѣ и Струеву.

— Имѣю честь отрекомендоваться, сказалъ адвокатъ съ добродушной усмѣшкой въ глазахъ. Для васъ я былъ, до сихъ поръ, звукъ пустой, или таинственный незнакомецъ, какъ въ старинныхъ романахъ писали.

Съ нимъ ей стало сразу очень ловко. Она тихо размѣялась.

— Какъ здоровьице? спросилъ онъ тономъ домашняго доктора. — Анатолій Петровичъ говорилъ мнѣ, что вы сильно волнуетесь и падаете духомъ. А это нехорошо. Смѣлымъ Богъ владѣетъ, и въ каждомъ дѣлѣ выдержка необходима.

„Развѣ ты только за этимъ ко мнѣ пожаловалъ?“ рѣзко остановила она его про себя.

— Съ чѣмъ же онъ васъ посылаетъ? Ашимова поглядѣла на него пристально, почти строго.

— Да за разрѣшеніемъ одного — какъ бы это сказать — деликатнаго вопроса... вопроса вашей совѣсти.

„Почему же Анатолій самъ не поставилъ мнѣ этого вопроса?“ смущенно подумала она, но воздержалась отъ дальнѣйшихъ вопросовъ.

„Значитъ такъ надо“, кротко рѣшила она, чувствуя, что съ этимъ мягкимъ посредникомъ ей не придется воевать.

— Моей совѣсти? переспросила она и опустила свои густыя рѣсницы.

— Такъ точно, Лидія Кирилловна. Вамъ положеніе дѣла извѣстно не хуже, чѣмъ мнѣ. Стало быть, я могу и не вдаваться въ ненужныя подробности.

— Конечно!

— Я не буду допрашивать васъ и о томъ: кому принадлежала мысль произвести давленіе на госпожу Струеву насчетъ дѣтей.

— Да развѣ Анатолій — она не успѣла прибавить „Петровичъ“ — началъ дѣйствовать?

Это ее обрадовало и она не устыдилась своего злораднаго чувства. Ей понравилось и то, что Анатолій ничего не сказалъ ей объ этомъ, не желая ее вмѣшивать въ такой образъ дѣйствій.

— Да-съ, отвѣтилъ адвокатъ грустно и мягко.

— Черезъ васъ?

— Если угодно — черезъ меня, хотя скажу вамъ въ скобкахъ, мнѣ это было не особенно пріятно... Я переслалъ Аннѣ Семеновнѣ пись-

мо его и, съ своей стороны, отъ всякихъ совѣтовъ и застращиваній воздержался.

Онъ поглядѣлъ на нее опять поверхъ очковъ, и въ его взглядѣ она увидала затаенное сожалѣніе.

VII.

Тонъ адвоката обезоруживалъ ее; но въ то же время ей не хотѣлось выходить изъ своего душевнаго настроенія.

Нельзя было оставить безъ отвѣта и его мягкое допытываніе на счетъ того — кто именно далъ мысль дѣйствовать угрозой.

— У меня никакой нѣтъ нужды преслѣдовать эту женщину, — заговорила она отрывисто, съ пренебрежительной миной рта — но надо-же какимъ-нибудь путемъ довести ее до сожалѣнія, сломить ея злую волю.

— Злую волю, — повторилъ адвокатъ... Вы увѣрены въ этомъ, Лидія Кирилловна?..

— Боже мой!.. Это тянется цѣлый годъ и она не хочетъ понять, черезъ что я проходила и прохожу...

Протяни онъ ей руку — она-бы разрыдалась.

Но горделивая натура взяла тотчасъ-же верхъ. Не станетъ она плакать!.. И безъ всякихъ жалобъ всякій видитъ, каково ей.

Адвокатъ отвелъ лицо и сидѣлъ въ такой позѣ, какъ будто онъ не рѣшался ей что-то объявить.

— И, разумѣется, Анатолій посылаетъ васъ съ дурною вѣстью? — быстро спросила она.

— Лидія Кирилловна, матушка, — особенно мягко началъ онъ и поглядѣлъ на нее своими кроткими глазами, гдѣ она не могла ничего ясно прочесть... — Вы изволите говорить: злая воля... И ее надо пожалѣть, и въ ея душу войти...

— Она не заслуживаетъ этого!

— Погодите, милая барышня... минуточку... Ваше слово впереди... Ну, переслалъ я ей письмо Анатолія Петровича... Отвѣта нѣтъ. Онъ меня торопитъ... Я съѣздилъ въ Москву... А ужъ куда мнѣ не рука была, по правдѣ сказать...

— И что-жъ?

— Нашелъ ее въ ужасномъ положеніи.

— Почему? Она не нуждается!.. У ней есть свои средства. И Анатолій готовъ...

— Позвольте... Не матеріально... Развѣ одна только денежная нужда ужасна? Душевно убитою нашелъ я ее, въ такомъ разстройствѣ, что, вѣрите, я не могъ выдержать... заплакалъ... Извините... Лгать не стану.

— Психопатка!

— Психопатія эта весьма понятная. Вхожу — на столѣ лежитъ ея старшая дочь.

— Дочь?

Нервная дрожь пронизала Ашимову и она не могла сдержать ее.

— Да, дѣвочка по тринадцатому году... И красавица... Въ три дня унесло! Крупъ, что-ли... Знаете, у меня тоже дѣти... Цѣлыхъ четверо... И мы потеряли одного. Но я такого отчаянія еще не видалъ... въ нашемъ, по крайнемъ мѣрѣ, кругу.

Онъ не докончилъ и опустилъ голову, чтобы скрыть свое волненіе.

„Какъ-же Анатолій мнѣ ничего не сказалъ? — подумала Ашимова. — По деликатности?“.

— Анатолій Петровичъ не хотѣлъ васъ тревожить, — обронилъ адвокатъ.

— А на него какъ это подѣйствовало?

Вопросъ вылетѣлъ у нея порывисто, и она тотчасъ-же упрекнула себя за него.

— Онъ — мужчина. У него другой характеръ... И для него ударъ... Свое дѣтище... Знаете, такая жестокая смерть заставляетъ забывать многое... Увѣряю васъ, Лидія Кирилловна, что ни у кого-бы, на моемъ мѣстѣ, не хватило куражу подступать съ какими-нибудь требованіями или угрозами. Я вамъ говорю, она въ ужасномъ разстройствѣ и хорошо, если организмъ выдержитъ.

Протянулось молчаніе.

— Прекрасно, — начала Ашимова. — Зна-

читъ, мы остаемся все также въ пустомъ пространствѣ?

Она полуистерически засмѣялась и стала сильно потирать руки.

— Анатолій Петровичъ хотѣлъ, чтобы вы именно отъ меня все это выслушали... Вѣдь согласитесь, голубушка, тутъ просто уже нѣчто роковое. Человѣкъ лежитъ въ горячкѣ, нельзяже требовать отъ него чего-нибудь, на что необходимы твердый разумъ и нормальная воля!.. Идти на проломъ, это — добивать ее. Желаю вамъ всякаго счастія, вхожу, отъ всей души, въ ваше собственное положеніе; но, право, вы сами не захотите, такъ сказать... перешагнуть къ аналою черезъ...

„Трупъ“ — чуть не крикнула она, и кровь отхлынула отъ сердца. Ей послышалось слово ея пріятеля прокурора тамъ, въ лѣсу, лѣтомъ, когда она была полна увѣренности, что къ новому году все будетъ покончено.

— Черезъ полуживое существо, которое такъ легко добить теперь.

— Ну да, ну да! Я знаю, — заговорила она, безсильная сдержать свою нервность, — меня пугаютъ!.. Я жду того, что Анатолій придетъ и скажетъ: „ты хочешь перешагнуть черезъ ея трупъ!“ Но это риторика! Это жалостная фраза!

— Нѣтъ, не фраза — очень тихо и протяжно выговорилъ адвокатъ... Переждать надо,

Лидія Кирилловна. Того-же мнѣнія и Анатолій Петровичъ. Вы поймите — невозможно дѣйствовать, она опасно больна. Я говорилъ съ ея докторомъ. Это — психіатръ. Онъ перевозитъ ее къ себѣ въ лечебницу. Воля ваша!

„Я не могу ждать! Не могу!“ хотѣла она крикнуть и вдругъ вся ослабла, взялась руками за лицо и беззвучно заплакала. По всему ея тѣлу разливалась ноющая боль и глубокая, безграничная печаль засосала ей въ груди.

— Барышня, милая... слышала она голосъ адвоката и рука его коснулась ея плеча. Не убивайтесь... Все обойдется... Одно изъ двухъ: или она не переживетъ, или она будетъ неизлечимая душевнобольная, или выздоровѣетъ и упираться не станетъ, послѣ такого удара. Повѣрьте мнѣ.

Ее, какъ маленькую, убаюкивалъ звукъ этого голоса. Ей хотѣлось вѣрить; но она не могла обманывать себя... Что-бы ни сталось съ той женщиной — на это нужно время, много времени; а она черезъ шесть недѣль должна быть матерью.

Никогда еще не проникала ее такая жалость къ себѣ. Негодовать не было силъ послѣ того, что она услыхала отъ адвоката. Но и простить она не могла. Душевная надсада ея усиливалась и оттого, что въ такую минуту около нея не онъ, не человѣкъ, которому она все отдала, а чужой, адвокатъ, что-то вродѣ наемнаго со-

общника. Зачѣмъ Анатолій самъ не явился?.. Онъ уходитъ отъ нея... полегоньку. Это видно... Если охладѣетъ совсѣмъ — что-же тогда?

Ей сдѣлалось такъ страшно, что она оторвала руки отъ лица и растерянно оглядѣлась. Слезы перестали течь по ея похудѣлымъ щекамъ.

— Голубушка — продолжалъ адвокатъ, и взялъ ее за руку. — Вамъ надо выказать мужество, именно теперь. И Анатолію Петровичу дайте возможность придти въ себя, пріободриться, поработать... Его талантъ оцѣненъ... Надо ловить минуту... Лѣтній сезонъ рѣшитъ его уже не одну петербургскую, а европейскую репутацію. Тогда и презрѣнный металлъ польется. Вѣдь надо обезпечить себѣ будущность.

Она слушала и смутно понимала его.

Почему онъ говоритъ о „европейской репутаціи“ и о „лѣтнемъ сезонѣ?“ О какомъ сезонѣ? И гдѣ?

Ее закололъ вопросъ; значитъ Анатолій получилъ заграничный ангажементъ? Куда? Въ Англію?

Почему-же онъ ничего ей объ этомъ не говорилъ? Стало быть онъ скрытничалъ съ нею, входилъ тайкомъ въ переписку съ заграничными директорами? Но если онъ будетъ пѣть въ Лондонѣ, то долженъ ѣхать черезъ три-четыре

недѣли, въ началѣ мая, даже раньше. На такую поѣздку онъ даже не намекалъ ей.

Ее онъ, конечно, но возьметъ, да и какъ она поѣдетъ черезъ двѣ-три недѣли? Почему-же нѣтъ? Лучше рискнуть здоровьемъ, чѣмъ остаться здѣсь, одной, ждать своего позора, безпомощной, точно брошенная, постылая дѣвчонка, имѣвшая глупость такъ неосторожно увлечься модньмъ баритономъ, у котораго и кромѣ нея есть много всякихъ побѣдъ, на сторонѣ, и въ обществѣ, и на сценѣ.

Всѣ эти сомнѣнія, жалобы, упреки готовы были политься рѣкою. Гордость опять помогла ей сдержать себя. Она не выдала своей сердечной боли ни однимъ словомъ и сказала только:

— Если вы увидите Анатолія раньше меня, передайте ему, что я все выслушала... Сама я не могу-же дѣйствовать, коль скоро эта женщина теперь невмѣняема. Вѣдь это такъ называется на судебномъ языкѣ?

— Такъ, такъ... Ну, спасибо, милая барышня. Все перетасуется... И не такіе гордіевы узлы разсѣкаетъ сама жизнь... ничто больше!

Онъ медленно поднялся и протянулъ ей руку.

Въ головѣ ея начиналось ощущеніе пустоты. Встать на ноги она не рѣшилась. Она пожала его руку и тихо выговорила:

— Благодарю васъ.

Когда шаги его смолкли въ передней, она упала головой на спину дивана и замерла. Засыхающія слезы бороздили ей щеки; но плакать она уже не имѣла силъ.

А въ ушахъ стояло одно какое-то слово, и она никакъ не могла отогнать его, какъ докучную муху ... Голова не въ состояніи была разобрать: — какое это слово. Оно жужжало и точно дразнило ее и пугало вмѣстѣ — казало впереди долгій рядъ дней тоски, страха, стыда, обиды и охлажденія любимаго человѣка.

VIII.

Душно въ узкой и тѣсной комнатѣ. Шторы спущены. Въ спертомъ воздухѣ стоитъ лекарственный запахъ.

Лидія Кирилловна тяжело раскрыла вѣки, приподняла голову и оглядѣлась.

Голова не такъ болитъ; но силъ еще нѣтъ встать. Только вчера она, по глазамъ женщины-врача, догадалась, что опасность миновала.

Спальня смотритъ маленькой больничной камерой. Такихъ четыре, и всѣ выходятъ въ корридоръ. Двѣ заняты — она не знаетъ кѣмъ. Конечно, паціентками — въ „ея положеніи".

Вотъ она до чего доведена честной любовью,

пылкой, благородной натурой. Горечь подступила къ горлу и во рту у ней ощущеніе жолчи. Надо жить, дѣйствовать, бороться — не для себя одной. Тамъ, въ концѣ корридора, маленькое созданіе лежитъ въ колыбелькѣ и надъ нимъ дремлетъ или жуетъ что-нибудь мамка, наемная, грубая и глупая мужичка, званіемъ дѣвица... стало быть, такая-же незаконная мать, какъ и она. Своего ребенка отнесла въ воспитательный и кормитъ чужого за деньги... По крайней мѣрѣ, она хоть на что-нибудь годна. И не унываетъ, выговорила себѣ хорошее жалованье, ее пичкаютъ, рядятъ... Быть кормилицей не всякой удается, а скопитъ деньжонокъ, возьметъ своего ребенка и будетъ его выхаживать, какъ можетъ... И опять сдѣлается матерью, и опять мамки... А попадетъ къ богатымъ и добрымъ господамъ, останется въ домѣ, вынянчитъ свое молочное дитя.

А она?

Терзаться, малодушно хоронить себя отъ всѣхъ, не быть даже въ состояніи кормить собственнаго ребенка!.. Онъ родился хилымъ, чуть живымъ. Понадобилась операція. Долго-ли онъ проживетъ?

Ей страстно захотѣлось побѣжать къ нему, расцѣловать его, убѣдиться, что онъ еще живъ, что въ колыбели лежитъ живое маленькое существо, а не окоченѣлый трупъ...

Все время, какъ она лежала въ забытьи — это длилось два дня — чуть очнется, сейчасъ

ей представится мертвое тѣльце, синее, сморщенное, безъ пеленокъ, съ большой голой головкой...

Вотъ черезъ какой „трупъ“ она скорѣе всего перешагнетъ: черезъ трупъ своего ребенка.

Слезы потекли у ней, быстро и обильно, и немного облегчили ее. Она потянулась исхудалой рукой къ пуговкѣ звонка, приходившейся надъ ночнымъ столикомъ.

Отворила дверь сидѣлка, въ темно-сѣромъ платьѣ и фартукѣ.

— Какъ маленькій? спросила она возбужденно, довольно еще сильнымъ голосомъ.

— Ничего-съ.

— Кормилица съ нимъ?

— Съ нимъ.

— Марья Филипповна дома?

— Дома-съ.

— Попросите ее ко мнѣ на минутку.

Сидѣлка скрылась.

Третью недѣлю лежитъ она здѣсь, у этой Марьи Филипповны — ученой „мадамы“, какъ зоветъ ее сидѣлка.

Какою смѣлою считала она себя, годъ назадъ, и позднѣе, когда страсть туманила ей голову. Минутами она гнала отъ себя всякій страхъ передъ послѣдствіями, хотѣла даже выставить на показъ то, что другія считаютъ постыднымъ. Пускай та ненавистная женщина, которая довела его до этого, знаетъ, что она открыто будетъ матерью.

Вышло совсѣмъ не такъ. Нѣсколько мѣсяцевъ она скрывала свое положеніе — и прибѣгла къ укрывательству ученой мадамы, какъ сотни другихъ дѣвушекъ и вдовъ.

Но это не все... Можно снести сознаніе своего малодушія и своей неудачи — и продолжать любить, вѣрить въ того, кто былъ причиной страданій.

Любитъ-ли она теперь, вотъ въ эту минуту?.. И вѣритъ-ли?

Она хотѣла-бы вѣрить до послѣдней минуты. Да и какое она можетъ привести несомнѣнное, разительное доказательство того, что этотъ человѣкъ предалъ ее, бросилъ, поступилъ, какъ бездушный развратникъ?

Факты — не за него; но и не противъ него.

Хлопоты о разводѣ они должны были прекратить... Жена его — чуть не сумасшедшая, въ лечебницѣ психіатра... Онъ ѣздилъ въ Москву повидать дѣтей, вернулся оттуда разстроеннымъ; но не сухимъ, не злымъ.

Ровно за двѣ недѣли до рожденія ея ребенка онъ пришелъ къ ней и сказалъ: если она не хочетъ, чтобы онъ подписывалъ контрактъ на Лондонъ — онъ отвѣтитъ отказомъ по телеграфу... Какъ могла она удержать его? Онъ предлагалъ взять ее съ собою. Она и на это не согласилась. Почему? Не хотѣла этой „милостыни“, не желала быть обузой, стыдилась своего положенія, боялась, что онъ охладѣетъ къ

ней именно потому, что она обуза, что съ ней надо будетъ просиживать всѣ свободные дни.

Онъ и уѣхалъ. Прощаясь плакалъ — кажется искренно — предложилъ денегъ; она раскричалась на него, какъ никогда не кричала. Въ этомъ она увидала унизительную „подачку". „На, молъ, тебѣ тысячу рублей и будь довольна; а я — умываю руки; я сдѣлалъ все, что слѣдуетъ порядочному человѣку".

И тогда, послѣ сцены прощанія, впервые заползло въ ея душу сомнѣніе: полно, любитъ-ли она его беззавѣтно, тотъ-ли онъ, съ кѣмъ надо ей скоротать свой вѣкъ?

Сначала депеши его летѣли чуть не каждый день, потомъ рѣже. Писать онъ никогда не любилъ. О рожденіи сына извѣстила его акушерка. Онъ отвѣтилъ радостно, но эта депеша ее не тронула. На третій день она заболѣла и была между жизнью и смертью.

Гордость — вотъ что поддерживало ее и заставляло поступать такъ, какъ у нея выходило. Она не желала считать себя его женой, даже наканунѣ того дня, какъ стала матерью. А могла-бы, должна-бы была такъ чувствовать, если хотѣла быть вѣрной тому, что ее распаляло въ борьбѣ со „злой волей" его жены.

Гордость да ненавистное чувство къ этой женщинѣ — сидѣли въ ней глубже всего остального.

Не захотѣла принять отъ него поддержки,

даже для ихъ ребенка — и увидала, почти съ ужасомъ, что у нея собственныхъ средствъ не хватитъ и на полгода, если жить такъ, какъ она жила.

Отъ квартиры надо было отдѣлаться. Свою мебель поставила она въ складъ и поступила тайной пансіонеркой къ Марьѣ Филипповнѣ, гдѣ все очень дорого.

Кругъ мыслей и ощущеній привелъ ее къ тому, съ чѣмъ она проснулась.

И опять страстно потянуло ее къ ребенку.

Дверь скрипнула. На порогѣ стояла хозяйка, блондинка, подъ пятьдесятъ лѣтъ, широкоплечая, съ круглымъ, лоснящимся лицомъ, въ городкахъ на лбу, въ богатомъ распашномъ капотѣ.

— Милочка! тихо вскрикнула она. Что вы!... Никакъ хотѣли вставать? Да это безуміе, голубчикъ мой!

Ея бѣлыя и красивыя руки, въ перстняхъ, потянулись къ больной, чтобы удержать ее отъ всякаго лишняго движенія.

Марья Филипповна присѣла на край кровати.

— Безпокоитесь о вашемъ бутузикѣ? Напрасно. Онъ кушаетъ исправно. Я знаю, скажете: поставить около васъ. Невозможно это, голубчикъ мой, абсолютно невозможно... И туда не пущу, раньше послѣзавтраго.

Больная силилась улыбнуться; но слова хозяйки и тонъ ея кололи ее. Помириться съ

своимъ положеніемъ какой-то бѣглянки-преступницы — она не могла.

— Черезъ два дня мы на другой режимъ васъ посадимъ.

Наклонившись къ ней низко, Марья Филипповна медленно выговорила:

— Являлась ко мнѣ одна дама и хотѣла васъ видѣть.

— Меня? Какимъ образомъ?

— Какъ будто родственница... Худая, очень знаете порядочная... Съ большимъ къ вамъ сочувствіемъ.

— Вы спросили фамилію?

— Спросила, милочка; она затруднилась. Говоритъ: я напишу Лидіи Кирилловнѣ и когда она поправится, она меня, быть можетъ, приметъ.

Видя, что больная заволновалась, Марья Филипповна встала, сдѣлала жестъ рукой и, уходя, пустила громкимъ шопотомъ:

— Разговаривать довольно! Лежите смирно, голубчикъ мой, и благо вамъ будетъ!

IX.

Передъ нею, въ полусвѣтѣ комнаты, блѣднѣло лицо — худое, совсѣмъ прозрачное, съ остатками большой красоты; впалые, огромные глаза глядѣли на нее съ непонятнымъ, жуткимъ для

нея участіемъ и еще съ чѣмъ-то... Во всемъ существѣ этой женщины было что-то особенное, передъ чѣмъ она смирялась.

И смотрѣла эта женщина совсѣмъ не старухой. Черное платье облекало тонкую талію съ чѣмъ-то дѣвическимъ, цѣломудреннымъ. Никто-бы не сказалъ, что она была мать дѣвочки по тринадцатому году, что ей тридцать пять лѣтъ. Не пахло отъ нея ни камфарой, ни валерьяной.

Когда, четверть часа передъ тѣмъ, Ашимовой подали карточку: „Анна Семеновна Струева“ — все въ ней всколыхнулось. Она хотѣла было отказать; но крикнула: „Просите“, и поспѣшно стала оправлять свой пеньюаръ, въ которомъ лежала на прибранной кровати, съ пледомъ на ногахъ.

Это посѣщеніе почти возмутило ее. Что ей нужно?... Полюбоваться на ея позоръ?

Но не прошло и пяти минутъ разговора, какъ она не въ силахъ была отдаваться злобному чувству. Она только слушала.

Эта женщина узнала, гдѣ ее найти — отъ адвоката... Онъ, конечно, и послалъ ее, и послалъ не зря, а за дѣломъ... Въ душѣ этой женщины все перегорѣло. Она просто, безъ хныканья, безъ фразъ разсказала про внезапную смерть старшей дочери, про свое душевное разстройство и про свое излеченіе. И подъ конецъ разсказа она вдругъ нагнулась — сидѣла

она на стулѣ — протянула руку и, сдерживая волненіе, выговорила звукомъ глубокой скорби:

— Простите меня, Бога ради... Я васъ довела вотъ до чего... Простите...

И поникла головой.

Что-же было отвѣчать? Разносить ее?.. Всякая злобность смолкла... Неожиданное чувство жалости къ нимъ обѣимъ овладѣвало Ашимовой... Обѣ онѣ стали жертвы одного влеченія, какъ-бы сестры по судьбѣ своей.

Потомъ, оправившись, та начала говорить просто, какъ о дѣлѣ, которое надо наладить поскорѣе, тономъ должницы, готовой заплатить всѣ просроченные проценты.

Недовѣріе на секунду закралось въ Ашимову: не ловушка-ли это?

— Почему-же, — спросила она наконецъ кротко, почти стыдливо, — вы такъ долго не соглашались?.. Я не хочу вѣрить, чтобы изъ одного упорства... послѣ того, что я сейчасъ выслушала отъ васъ.

— Почему?.. Лидія Кирилловна... На это легко отвѣтить, когда знаешь, что тебя поймутъ.

— Я пойму васъ — сказала Ашимова, поднявъ голову и прислонилась ею къ высоко взбитымъ подушкамъ.

Почему она упиралась?.. Потому что не могла еще совладать съ любовью къ человѣку, созданному ею, потому что любовь къ нему перешла въ материнское чувство и она не отдѣ-

ляла его отъ своихъ дѣтей, рожденныхъ отъ него-же; потому что она страшилась лишить дѣтей отца; потому что изучила его натуру и знала, что онъ можетъ, переходя отъ увлеченія къ увлеченію — лишиться всего... Упираясь, она хотѣла сохранить ему семью, куда онъ могъ-бы вернуться, побитый жизнью.

Все это отзывалось чѣмъ-то слишкомъ чистымъ и возвышеннымъ, почти театральнымъ; но Ашимова уже не могла не вѣрить тому, что такія именно побужденія руководили ея соперницей. Незамѣтно исчезла для нея всякая возможность смотрѣть на Струеву, какъ на „злую разлучницу".

И впервые узнала она изъ ея исповѣди, сколько эта женщина положила силъ, вѣроятно и матеріальныхъ средствъ, на то, чтобы создать изъ мужа своего такого симпатичнаго артиста. Она почуяла, что все привлекательное въ немъ, на что она сама полетѣла, какъ бабочка, было согрѣто и развито его женой.

— Умерла моя Оля — доносился до нея тихій, немного глухой голосъ, она слушала съ полузакрытыми глазами — и когда я послѣ болѣзни стала входить въ себя — эта смерть явилась для меня откровеніемъ. Я не изувѣрка и не ханжа. Можетъ быть слишкомъ мало думала о душѣ своей. Но этотъ ударъ просвѣтилъ меня... Вашъ адвокатъ, онъ хорошій человѣкъ, узналъ, что я выздоровѣла, пріѣхалъ, разсказалъ,

въ какомъ вы положеніи — и вотъ я здѣсь, Лидія Кирилловна. Вамъ тяжелѣе. Я какъ женщина свое взяла съ жизни. А вы, молодая дѣвушка, честная, пылкая и въ сущности ни въ чемъ невиноватая передо мной... У васъ ребенокъ... Онъ сынъ Анатолія Петровича... Я должна отдать и ему и вамъ права... Вы ихъ достаточно выстрадали.

Голосъ ея крѣпчалъ и тонъ ея словъ показался подъ конецъ Ашимовой слишкомъ торжественнымъ, какъ будто отзывался рисовкой и нравоученіемъ.

Она должна-бы благодарить ее, потянуться къ ней, обнять; но ее что-то держало. Эта женщина какъ-бы оскорбляла ее своимъ нравственнымъ превосходствомъ — настоящимъ или поддѣльнымъ. Но то, что она говорила, согласовалось съ ея поведеніемъ. Вѣдь она сама пріѣхала, она хочетъ — хоть и поздно — дать мужу разводъ, она ихъ благословляетъ и думаетъ только о томъ, чтобы сыну Анатолія Петровича и его теперешней подругѣ были возвращены законныя права.

Ужъ не взялась-ли она за умъ и не желаетъ-ли отступного?

Эта мысль пронизала мозгъ Ашимовой; но она застыдилась ея тотчасъ-же. Нѣтъ! На деньги она не пойдетъ, да и какія деньги можетъ ей предложить мужъ, когда онъ врядъ-ли что давалъ ей и на воспитаніе дѣтей?.. И все-таки

тонъ послѣднихъ словъ Струевой задѣвалъ и настраивалъ не такъ, какъ бы она сама желала.

— Живите... будьте...

Голосъ Струевой вдругъ оборвался; она упала всѣмъ своимъ исхудалымъ тѣломъ на кровать и безпомощно зарыдала.

Ее всю трясло. Не поднимая головы, она пролежала такъ съ минуту.

Ашимова сидѣла вся потрясенная этимъ взрывомъ душевной боли. Тутъ только она все поняла — поняла и то, что, произнося слова свои торжественнымъ тономъ, эта женщина дѣлала надъ собой нечеловѣческія усилія, чтобы выдержать роль, не выдать себя.

И не смогла.

Въ рыданіяхъ, въ изможденномъ трепетномъ тѣлѣ металось передъ ней горе всей жизни, безповоротное чувство потери до сихъ поръ любимаго человѣка.

Не сердце чувственной любовницы билось передъ ней въ мукахъ; а сердце матери, у которой отнимаютъ самое дорогое дѣтище.

— Анна Семеновна! Умоляю васъ! Я не хочу, я не хочу!

Эти слова вырвались у Ашимовой вмѣстѣ съ движеніемъ обѣихъ рукъ.

Она схватила ими Струеву за плечи не то затѣмъ, чтобы привести ее въ чувство, не то затѣмъ, чтобы обнять.

Порыва нѣжности она не ощутила на столько,

чтобы привлечь ее къ себѣ; но на нее нашелъ почти ужасъ отъ того, на какое дѣло она такъ упорно и безпощадно шла.

Вотъ онъ трупъ-то, не тѣлесный, а трупъ женской души, такого-же живого существа, какъ и она, неизмѣримо больше любящаго того человѣка, которому, быть можетъ, нѣтъ особеннаго дѣла ни до одной изъ нихъ.

— Простите!.. Я ничего!

Струева подняла свое лицо, все облитое слезами. Глаза ея скорбно замирали.

— Я ничего! Это — нервы! Все еще остатки болѣзни... Знаете, для насъ, женщинъ, слезы — дешевый товаръ.

Ея поблеклыя губы хотѣли было сложиться въ улыбку. Она сѣла опять на стулъ, застѣнчиво оправила ленты своей шляпки и провела платкомъ по лицу.

Ашимова не находила въ себѣ никакихъ словъ; она слишкомъ много пережила въ эти десять минутъ.

X.

Лужайка отдыхала отъ сильнаго дневного жара подъ тѣнями, спустившимися передъ закатомъ солнца.

На бревнахъ — новыхъ, не прошлогоднихъ — сидѣли опять Ашимова и ея пріятель Кру-

пинскій. Она была въ темномъ кретоновомъ платьѣ, безъ шляпки, какъ дачница. Онъ одѣтъ почти также, что и въ прошломъ іюлѣ, когда лѣсная тропинка завела ихъ сюда, на эту самую лужайку.

Наружность Лидіи Кирилловны измѣнилась — къ выгодѣ ея. Овалъ лица сдѣлался тоньше и цвѣтъ кожи менѣе ярокъ. Слишкомъ пышный бюстъ принялъ болѣе строгія очертанія. Въ глазахъ не было задорнаго блеска. Они углубились въ своихъ впадинахъ и казались больше.

Крупинскій немного пополнѣлъ. — Но въ тонѣ его пріятельскаго разговора съ Ашимовой звучало что-то новое.

Вчера пріѣхалъ онъ повидаться съ нею, и они повели свою первую интимную бесѣду только сегодня, на прогулкѣ въ лѣсъ.

Она ему все разсказала, и когда они пришли сюда и сѣли, онъ уже зналъ, что ея ребенокъ умеръ, что Струевъ „пожинаетъ лавры“ въ Ковентъ-Гарденѣ и подписалъ уже ангажементы въ Вѣну, Неаполь и Мадридъ, по два мѣсяца въ каждомъ городѣ.

Прокуроръ не проронилъ ни одного изрѣченія, ни одной шутки. Его глаза грустно и вдумчиво взглядывали на Ашимову и тотчасъ-же опускались.

— Вотъ какія дѣла, Крупинскій — начала она своимъ пріятнымъ, низковатымъ голосомъ,

не утратившимъ грудной звучности послѣ болѣзни... Не хотите-ли дать заключеніе?

— Зачѣмъ-же такъ, Лидія Кирилловна?

Онъ почти смущенно отмахнулся правой рукой.

— Да что-же все въ лирическомъ родѣ разливаться? Какъ видите, пророчество ваше сбылось... Я перешагнула черезъ трупъ.

— Позвольте, мало-ли что болтаешь!..

— Нѣтъ, вы были правы! Только я перешагнула черезъ трупъ собственнаго ребенка... Могла-бы и черезъ другой трупъ перешагнуть — черезъ забитую душу той женщины... но не хочу.

— Почему-же? — искренно вскричалъ онъ и приподнялся.

— Вы-ли это мнѣ говорите?

— Я, Лидія Кирилловна. Въ чемъ-же вы можете себя упрекнуть теперь?

— Вы, стало, плохо слушали?

— Нѣтъ, превосходно!

— Я жертвъ не желаю, Крупинскій. Онъ, до сихъ поръ, ея идолъ... Такова женская доля. Но во мнѣ, кажется, этого идолопоклонства нѣтъ. Онъ — ея дорогое чадо. Она надѣется, что рано или поздно онъ вернется къ ней и у него будетъ семья, у него будетъ мать, нянька, все, на что она способна для него и на что я неспособна.

— Вы?

— Нѣтъ, неспособна.

Ашимова провела по лбу рукой и брови ея нервно сблизили свои концы.

— Зачѣмъ лгать самой себѣ? Я только воображала о себѣ многое. Смерть моего мальчика научила меня знать себя лучше. Да, живи онъ — я бы не отказалась быть женой Струева — для сына. И то, едва-ли!

— Лидія Кирилловна!

— Едва-ли, — повторила она съ удареніемъ... — Онъ-бы и меня бросилъ, стало быть, и его покинулъ-бы. Дать ему имя? Такъ вѣдь онъ былъ незаконный!

— Нынче стало легче вернуть права ребенку.

— Нѣтъ, я врядъ-ли бы пошла на это. Я хочу съ совѣстью въ ладу жить; всегда передо мной стоялъ-бы призракъ этой женщины... Какъ она тогда не выдержала и зарыдала, бросившись головой къ ногамъ моимъ — такія минуты не забываются. Особенно когда страсть перегорѣла; а она перегорѣла.

— Однако... Явись онъ сюда, вотъ сейчасъ, вы бы кинулись къ нему и пошли-бы на все?

Не сразу отвѣтила она.

— Не знаю... Врядъ-ли... Я ему — уже въ тягость. Онъ меня зоветъ туда; но какъ? Для очистки совѣсти. Да еслибъ я ему и по прежнему нравилась — зачѣмъ я ему? Онъ идетъ полнымъ ходомъ и я для него обуза.

— Что вы говорите! Но вы пошли-бы рука объ руку!

— Я мечтала объ этомъ. Голосъ у меня есть; но не Богъ знаетъ какой... Хорошо, если и въ провинцію получу ангажементъ. А уцѣпиться за него, чтобы онъ всюду меня таскалъ и, въ видѣ подачки, выговаривалъ для меня мѣста третьей конпримаріи — я слишкомъ горда. Что-жъ! Каюсь, гордость — мой коренной порокъ; но онъ, по крайней мѣрѣ, удерживаетъ отъ гадостей и униженій.

Горечь сложила ея губы, немного поблѣднѣвшія, въ усмѣшку.

— Вы не думайте, что во мнѣ ревность, самолюбіе говорятъ. До меня дошли слухи о его новыхъ побѣдахъ въ Лондонѣ, объ этой американкѣ... съ которой онъ пѣлъ въ „Эрнани“ съ такимъ успѣхомъ. Нашлась какая-то добрая душа, анонимно прислала мнѣ корреспонденцію, гдѣ есть прозрачный намекъ на то, что баритонъ и примадонна такъ искренно увлекаются на сценѣ, какъ могутъ только увлекаться взаимно любящія сердца. Есть и еще намекъ — на возможность свадьбы... Почему-же нѣтъ?.. Крупинскій, я не хочу говорить о немъ дурно... У него такая ужъ натура: годъ — одно увлеченіе, слѣдующій — другое. Неунывающій артистъ!.. Лучше я вамъ скажу про себя: настоящей, роковой любви къ нему у меня нѣтъ... А ребенокъ нашъ умеръ! Стало... Остальное вы сами доска-

жете; вы въ логикѣ — первый мастеръ. Вы видите — я не рисуюсь, я — не въ отчаяніи... Буду жить, работать, за счастьемъ погожу гнаться. Обожглась! На первый разъ, довольно.

И она глухо засмѣялась.

— Если такъ, заговорилъ онъ, опять подсаживаясь къ ней — что-жъ!.. Я радъ за васъ, Лидія Кирилловна.

Онъ — какъ-бы перебилъ самого себя. Его рѣчистость ему измѣняла — въ первый разъ, съ нею. Въ бокъ поглядѣлъ онъ на нее съ тревожнымъ сочувствіемъ. Можно было догадаться по движенію рукъ и головы, что имъ овладѣваетъ волненіе, которое ему трудно одолѣть.

— Урокъ слишкомъ тяжкій... И вы меня простите за все, что я въ прошломъ году — изрѣкалъ, вотъ здѣсь.

— Напрасно!.. Если-бы я попомнила, какъ надо, ваши слова... о трупѣ — я бы не кинулась такъ на проломъ... не тѣшила-бы такъ свое...

Она искала слова.

— Женское себялюбіе — выговорила она грустно и смолкла.

Крупинскій протянулъ ей молча руку. Она пожала.

Въ его пожатіи была дрожь, замѣченная ею. Этотъ „сушка-прокуроръ“ — какъ она его звала часто и въ письмахъ — человѣкъ съ душой и преданъ ей.

Только-ли преданъ? Не заговорило-ли въ немъ болѣе нѣжное чувство? Вопросъ выскочилъ въ ея головѣ самъ собою... Она не устыдилась и не испугалась его.

Но голова продолжала работать. И сердце помогало этой работѣ головы.

„Нѣтъ, сказала она про себя, не надо мнѣ мужскихъ подачекъ. И для меня, и для него унизительно, если онъ даже и полюбитъ меня".

Она способна была выговорить это вслухъ, начни онъ изливаться.

Что-жъ тутъ мудренаго? Мужчины, не меньше женщинъ, гоняются за миражемъ страсти, да вдобавокъ еще любятъ играть въ великодушіе, спасать; на каждомъ шагу — принимать жалость за любовь.

А жалости она не хочетъ. И любить она не можетъ, въ эту минуту... Своего пріятеля Крупинскаго способна полюбить, какъ хорошаго человѣка...

Но такому человѣку надо другую жену...

— Милая, прошепталъ онъ и стыдливо прикоснулся губами къ ея рукѣ.

— Пойдемте... Мы старые пріятели, возбужденно и громко сказала Ашимова. Намъ нечего обижать другъ друга жалостью.

И — молча — пошли они въ обратный путь.

Конецъ.

Типографія Г. Пеца (Липпертъ и Ко.), Наумбургъ на/С.

Изданіе Карла Малькомеса въ Стутгартѣ.

Русская Хрестоматія.

Отрывки изъ сочиненій лучшихъ русскихъ писателей для чтенія и переводовъ съ русскаго языка на нѣмецкій.

I. часть.

Текстъ съ удареніями, грамматическими примѣчаніями и приложеніемъ полнаго словаря.

Составилъ

Алексѣй Марковъ,

докторъ государственныхъ наукъ Тюбингенскаго Университета.

8—9 печ. листовъ форм. 8 °.

Цѣна въ переплетѣ 2 марки.

Русско-нѣмецкій и нѣмецко-русскій военный словарь

составилъ

Б. Манасевичъ.

(8°. VIII, 400 стр.)

Цѣна въ переплетѣ 4 марки.

Графъ Л. Толстой. Крейцерова соната,

съ послѣсловіемъ автора. (12 °. 140 стр.)

Цѣна $2^1/_2$ марки.

Послѣсловіе къ крейцеровой сонатѣ Графа Л. Толстаго.

Цѣна 60 пф.

Segensreiche Wirksamkeit durch vier Generationen.
Vier Lebensbilder in Vorträgen:
Dorothea, Herzogin von Württemberg 1736—1798.
Maria Feodorowna, Kaiserin von Russland 1759—1828.
Katharina Pawlowna, Königin von Württemberg 1788—1819.
Olga Nikolajewna, Königin von Württemberg 1822—1892.
Von **J. Merkle**, Lehrer am Kgl. Katharinenstift in Stuttgart.
Preis broschirt 1 Mk. 50 Pf., elegant gebunden 2 Mk. 50 Pf.

Farbenspiele des Lebens. Roman aus der Gesellschaft. Von **F. Leoni (F. Lortsch, Libau).**
Preis broschirt 3 Mk., elegant gebunden 4 Mk.

Ostrowsky, Alexander, Das Gewitter. Drama in fünf Aufzügen. Aus dem Russischen von Dr. **A. Markow** und Dr. **R. Zeyss.**
Mit dem Porträt Ostrowsky's.
Preis broschirt 1 Mk. 25 Pf., elegant gebunden 2 Mk. 25 Pf.

Kempner, Fr., Nettelbeck. — Miss Maria Brown.
Historische Novellen. 2. Auflage.
Preis broschirt 3 Mk., elegant gebunden 4 Mk.

Kempner, Fr., Roger Bacon. Historische Novelle. 2. Auflage.
Preis broschirt $2^1/_2$ Mk., elegant gebunden $3^1/_2$ Mk.

Brennwald, A., Zur Lage des Welthandels. I. Teil: Die Aussichten des Kaufmanns im Welthandel.
Illustriert durch 160 Konsulatsberichte der wichtigsten Handelsstädte der Welt.
Preis 2 Mk.

Изданіе Карла Малькомеса въ Стутгартѣ.

Am

Vierwaldstätter See.

Malerische Ansichten

von

Berg, Thal und See.

32 Aquarelle

nach Originalaufnahmen verschiedener Künstler mit begleitendem Texte

von

Alfred Brennwald

unter Mitwirkung von Dr. **W. Grothe.**

Edition française:

Vues pittoresques du Lac des Quatre-Cantons et de ses environs.

32 aquarelles d'après les originaux de différants artistes. Texte par Alfred Brennwald. Avec la collaboration du Dr. W. Grothe. Traduit par Cl. Flamand de Buxy.

English edition:

The Lake of the Four Cantons.

Picturesque views. 32 water colors according to the original drawings of different artists with accompanying texts by Alfred Brennwald. Under cooperation of Dr. W. Grothe.

Preis jeder Ausgabe elegant gebunden 10 Mark.

☞ **Verzeichniss der Illustrationen umstehend!**

Изданіе Карла Малькомеса въ Стутгартѣ.

Verzeichniss

der in dem Prachtwerk

Am Vierwaldstätter See

enthaltenen 32 Aquarelle:

1. Vierwaldstätter See.
2. Luzern mit dem Rigi.
3. Luzern mit dem Pilatus.
4. Hertenstein.
5. Weggis.
6. Vitznau
7. Rigi-Känzeli.
8. Beckenried.
9. Gersau.
10. Seelisberg.
11. Brunnen.
12. Axenstein.
13. Frohnalp.
14. Axenstrasse.
15. Das Rütli.
16. Tellskapelle.
17. Fluelen.
18. Altdorf.
19. Bürglen.
20. Unterschöchen.
21. Amsteg.
22. Maderanerthal.
23. Wasen.
24. Göschenen.
25. Schöllenen.
26. Andermatt.
27. Stanzstad.
28. Niederrickenbach.
29. Engelberg.
30. Lowerzer See.
31. Arth.
32. Pilatus-Aussicht.

Preis in elegantem Prachtband

nur 10 Mark.